

СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ И ПОЭТ ПЕРЕВОДОВ

Фарукшин Р.А.

SERGEY MALYSHEV IS A TRANSLATOR OF POETRY AND A POET OF TRANSLATIONS

Farukshin R. A.

27 сентября могло исполниться 70 лет выдающемуся казанскому поэту и переводчику Сергею Владимировичу Малышеву (Сергей Владимиров, С.М.). Возможно, в печати у него было еще больше имен, но в номерах журнала «Идель», которые я взял в качестве источника материала, были мной обнаружены только эти три. Интересно, кстати, проследить за порядком их появления. Но еще интересней осознавать, что эти трое, делившие к 2000-м гг. до половины каждого номера журнала, – это один человек. С.М. регулярно писал рецензии на выходившие книги, Сергей Владимиров работал над репортажами, Сергей Малышев писал стихи, статьи, заметки, вел рубрику «Бал-Омут» и много переводил. Если как поэт он обнаруживал незаурядную словесную складность и силу мысли, то как переводчик он проявлял более явную, но не менее потрясающую силу ума и духа, о чем свидетельствуют как его современники, так и публикации в журнале «Идель». Например, цитирую эссе «Память сердца. Поэт Сергей Малышев» за авторством Н.Г. Ахуно-

вой, поэта, заслуженного работника культуры РТ, руководителя ЛИТО им. Г. Ахунова: «А работал поэт на износ: писал, переводил, редактировал почти круглосуточно, спал по 3–4 часа в сутки. И являл собой, говоря высоким стилем, пример профессионализма высокой пробы в эпоху ярых дилетантов...» (цит. по: Как время катится в Казани золотое...»: Антология русской поэзии Казани. – Казань: Татарское книжное издательство, 2005).

Я не имею права решать, кем больше был Сергей Владимирович: поэтом или переводчиком. Тем более и сами его современники делились во мнениях: кто-то прямо в лицо (может, шутя, но все-таки) говорил ему, что он – не поэт (по этому поводу в рубрике «Бал-Омут» в июньском номере журнала «Идель» от 2007 г. вышел текст Малышева под заголовком «Поэтессы»), а иные отзывались о нем прямо противоположно, например, Р. Миннуллин писал в предисловии к его сборнику «Обратный отсчет»: «Сергей Малышев – поэт. Не провинциальный, а настоящий русский поэт, который живет и тво-

рит у нас в Казани. Долго работает в журнале “Идель”, активно участвует в литературной жизни Республики. Пишет лирику, стихи для детей, много переводит татарскую поэзию. А переводчик он тонкий, точный, т.е. очень профессиональный. Многие татарские поэты и русские читатели наверняка благодарны ему за это. В последнее время он всерьез увлечен татарским фольклором. Байты, мунаджаты, песни, переложённые на русский язык, – безусловно, новое слово в переводческой деятельности поэта...».

Кстати о мунаджате. Прежде чем говорить об участии героя доклада в «жизни» этого жанра, приведу краткое определение: «Слово мунаджат (мунажат) – арабского происхождения, оно означает мольбу к Аллаху, связанную с каким-то несчастьем... Мы не знаем конкретных событий, которые стоят за стихами, поэтому в последних присутствует порой некоторая загадочность. Переводчик не счел возможным убирать ее и заниматься отсебятиной» (цит. по: Идель. – 2000, октябрь).

*Вернуться бы на родину
Вспоминая мой край, в думу я погружусь,
А родителей вспомнив, слезами зальюсь.
Я о встрече с родными на свете молюсь,
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Как бы знать мне про родину, где она там,
Побродить бы с родными по милым местам,
Коль удастся, и душу лишь дома отдам,
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*На заре просыпаюсь – не может мне,
Все мечусь от тоски по родной стороне.*

«Сергей Малышев впервые перевел на русский язык книгу мунаджатов, и в 2005 году они были изданы отдельной книгой...» – пишет в биографической справке кандидат исторических наук М. А. Шакирзянов. Однако эту книгу, несмотря на относительно небольшие 15 лет с момента выхода в свет, теперь найти практически невозможно. Даже в библиотеках г. Казань, куда большая их часть была направлена в первую очередь. На данный момент я как читатель, желающий знать творчество автора, знаком с переводами исключительно из публикаций в номерах журнала «Идель», хранящихся в архиве университетской библиотеки. В лонгриде о Сергее Владимировиче я использовал публикации из № 9 (133) и № 1 (99). Разумеется, это не все, что я нашел, а то, что я нашел, – не все, что было опубликовано переводчиком.

Итак, на переводческой деятельности Сергея Малышева нахожу важным остановиться более подробно. Вот один из переведенных им мунаджатов:

*Как я счастлив, отец, вас увидеть во сне,
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Опоясаны мы черной кожей ремня.
Как на крыльях, умчался бы в наши края.
На часок здесь и то не остался бы я.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь!*

*Жил на родине я в молодые года,
Каждый день я родителей видел тогда.
На чужбине же в горло не лезет еда.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Эх родные мои, повидаться бы нам,
Побродили бы мы по родимым местам!
Коль удастся, и душу я дома отдам.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*В этом городе близкой души ни одной.
Встану утром, а матушки нету со мной.
Я уже целый век не встречался с родней,
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Угасает в миру человека дитя,
На чужбине по дому родному грустя,
Он сознание теряет совсем не шутя.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Я в раздумьях над этой бумагой сижу,
Подходящие к месту слова нахожу.
Мать с отцом, за меня помолитесь, прошу.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

*Не судите же строго за мой мунажат.
Вы поправьте ошибки, в каких виноват.
Был я с праведным чувством писать его рад.
Да поможет Всевышний Аллах нам теперь.*

Замечательные стройные переводы, о которых лестно отзывались маститые ценители татарской (именно татарской) литературы, такие как Роберт Миннуллин и Рамис Айме-

тов, и которые покоятся в архивах...

О позиции Сергея Малышева как переводчика сложно догадаться из самих переводов. К сожалению, утверждение «пусть о поэте говорят

стихи» здесь малоэффективно. Однако, по всей видимости, на этот счет Сергей Владимирович был весьма предусмотрителен и оставил для нас некоторый публицистический материал.

Для начала – отрывок из публикации в журнале «Дружба народов» (№ 10, 2007 г.): «Если мы хотим, чтобы народ уважали и понимали, его литературу надо переводить... Убежден, что, если курс на поддержку переводческой деятельности будет продолжен – а он должен быть продолжен, – татарская литература займет наконец подобающее место в многонациональном сообществе литератур. Существующие переводы не дают достаточного представления, насколько она многообразна, значительна и интересна. Переводы татарской литературы способны обогатить не только русскую, но, скорее всего, любую литературу мира».

Стоит отметить, что Сергей Владимирович не пишет здесь об абсолютном отсутствии движения в направлении перевода татарской литературы. Поэт не дожил всего три года до того, как Р.Р. Бухараев презентовал в Казани первый английский перевод «Сказания о Юзufe» Кул Гали, вышедший в Лондоне. И помимо этого события деятельность переводчиков шла своим чередом, не сбавляя обороты, о чем С.М. также пишет.

Однако он как будто предчувствует, что взятый курс может отклониться, или что процесс, не найдя требуемого отклика, скоро затихнет. Наверное, опыт работы переводчиком в одно из кризисных времен

этого дела поспособствовал формированию в нем подобного взгляда.

Обратимся к статье под заголовком «Вода и песок (о переводах и переводчиках)», опубликованной в апрельском номере «Идели» в том же роковом 2007 г. Это из нее был взят фрагмент для посмертной публикации в «Дружбе народов»: «Для чего нужны переводы татарской литературы на русский язык? В первую очередь, для самой татарской литературы. Без соревновательности, без возможности сравнивать и оценивать результаты творчества оно обречено на вырождение. Перевод, скажем, стихотворения на русский делает его сопоставимым с шедеврами всей мировой поэзии – лучшие ее образцы, опять-таки благодаря работе переводчиков, в поэзии русской представлены...».

Таким образом, Сергей Малышев как переводчик стремился к популяризации татарской литературной традиции через языковую адаптацию, вместо обособления в замкнутой татароязычной экосистеме культивировал курс на открытость, на поиск путей демонстрации потенциала татарской литературы на базе других языков, в первую очередь – русского. Однако дело не обходится без «но»: «Вот тут-то и встает вопрос о качестве. О плохом и говорить не стоит. Замечательны переводы Пастернака? Да. Но голос гения настолько своеобразен и силен, что автор практически не слышен. В сущности, мы читаем фантазии Бориса Леонидовича на темы Гете, Бараташвили, Верлена... Тем же грешат переводы, пожалуй, самого плодovitого казанского

переводчика старшего поколения: об оригинале по ним представление получить невозможно. А ведь они до сих пор издаются – за неимением других...».

О советском периоде Сергей Малышев отзывается благодарно, хоть и не без некоторого цинизма. Но все коренным образом переменялось после событий 1991 г.: «Распад СССР и последующие события воспринимаю как личную трагедию: я остался без любимой работы. И не только я. Один из ведущих казанских переводчиков Николай Беляев не в последнюю очередь поэтому покинул город: был человек нужен и уважаем, а чем заполнить образовавшуюся пустоту от ощущения никчемности? Единственным изданием, публиковавшим переводы художественной литературы, остался тогда еще юный журнал “Идель” – во многом благодаря заместителю главного редактора Розе Кожевниковой, которая сама была переводчиком татарской поэзии. И, конечно же, позиции тогдашнего главного редактора Фаиза Зулькарная. У него на вопрос “Для чего татарам нужны переводы?” ответ имелся. Но “Идель” был камешком в море бездумности...».

Но основная драма текста, отвечающая на вопрос о смысле его названия, раскрывается далее. Несмотря на то, что в Союзе писателей вскоре появляется новый председатель, а секция художественного перевода под руководством Л. Газизовой набирает и готовит переводчиков для работы на пределе человеческих возможностей, это при минимуме финансового

обеспечения не позволяет достичь значительных результатов: «При нормальном ходе событий на сделанное потребовалось бы лет пять, а было всего полтора года. А результаты выглядят более чем скромно... Несколько подборок в городской и республиканской печати; вышли две переводные поэтические книги, в одной казанские переводчики неплохо поучаствовали, вторую, фактически, сделали своими силами; подготовлены к печати две антологии: “Современная татарская проза” и “Современная татарская поэзия”. Подобных антологий прежде не издавалось, огрехи очевидны и для составителей. Но выбирать пока что не из чего, местные переводчики сделали все, на что способны. А книги эти нужны сегодня, а не послезавтра, которое всегда прекрасно. Да и сегодня было бы замечательно, если бы не деньги. Есть в Казани переводчики, которые мечтают сделать перевод основным своим занятием. Но при нынешней системе оплаты их труда мечты не могут сбыться. Платят за переводы сущие гроши. Да и про те неизвестно, когда их получишь и получишь ли вообще... Две лучшие казанские переводчицы прозы за последние полтора года не перевели ни строчки. Они до предела заняты на службе, где им гарантированно платят, воспитывают детей – и чего ради надрываться? Вот слова одной из них, Гаухар Хасановой: “Небольшой роман в десять печатных листов – это для меня минимум десять месяцев напряженной работы. Пообещают мне за него шестнад-

цать тысяч. Год моей жизни стоит шестнадцати тысяч?»... Кто же настолько по переводам изголодался, чтобы, испытав на своей шкуре всю прелесть трудового энтузиазма задаром, снова добровольно на каторгу пойти? Я не знаю... И все-таки надо готовить новых переводчиков. Лить воду в сухой песок, понимая, что и лужицы не останется».

Такую большую цитату я привел для того, чтобы стало вполне ясно и ощутимо, что скрывается за определением Сергея Малышева (и не только его) как переводчика, и что означает написанное Н. Г. Ахуновой в своем эссе: «А работал поэт на износ...». Непростые условия, в которых появление новой книги переводов часто зависело от того, сможет ли переводчик положить на алтарь свое благосостояние и здоровый сон и питаться одним энтузиазмом до конца работы. Во всяком

случае, такой вывод следует из прочитанной статьи.

Но также из статьи следует, что С. Малышев, помимо поэта и переводчика, был еще и тонко чувствующим атмосферу журналистом, и его свидетельства из самого, так сказать, эпицентра адской работы по возрождению переводческой профессии в Казани сегодня лишь прибавляют в ценности.

«Сергей Малышев по профессии – математик, по призванию – лирик, по предназначению – труженик. Не каждый достигает такой гармонии», – писал о нем Р. Миннуллин. О профессии героя данного доклада может рассказать его диплом, который наверняка где-нибудь сейчас существует, пыльный и забытый; о предназначении труженика мы теперь имеем вполне ясное представление; о призвании лирика же пусть расскажут его стихи:

Из Казани с любовью

*У потерь (это, конечно, не зонтик, не карандаш)
начинается время возврата, обратный отсчет.*

*Возвращаются – словно из памяти, то есть не баи на баи, –
пообтесанней, мельче, глядишь, и не так печет.*

Это я про любовь, друзей, вчерашний день говорю.

*И на клюкве уже не сплет соловей весной, –
букварю доверяю, поскольку на мир давно смотрю.
Оказалась по-школьному осень моя золотой.*

*Одряхлевшие будничны липы у дома, и так невысок
потолок небосвода, означенный срезами крыши.*

*Сквозь года пролетев, – здравствуй! – под ноги ляжет листок.
От него тосковал, а теперь же привычно грустишь.*

*И не то чтобы на сердце хрупкая сушь, но уже не поймешь,
настоящая тронула грусть или память о ней.*

*Возвращается все – то же самое, что ничего не вернешь,
оттого уползающий день промелькнувших годов милей.*

*Все проходит, ну что же, бояться ли тени своей?
Одиночества нет. Это я оттого говорю,
что со дна тишины, через толщу прозрачных дней
из давнишней Казани на вас, дорогих, смотрю.*

Сведения об авторе: Фарукшин Роберт Азатович, студент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: robert.farukshin.6916@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества казанского поэта Сергея Малышева. Основное внимание уделено рассмотрению творческих установок писателя.

Ключевые слова: Казань, Сергей Владимирович Малышев, поэзия, творчество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the creativity of the Kazan poet Sergey Malyshev. The main attention is paid to the consideration of the writer's creative attitudes.

Keywords: Kazan, Sergey Malyshev, poetry, creativity.